

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
В СЕРИИ «СЧАСТЬЕ МОЕ, ПОСТОЙ!»

Я ВСЕ РАВНО ТЕБЯ ДОЖДУСЬ!

ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА

ДРУГ ДЕТСТВА

СОЗДАННЫЕ ДЛЯ ЛЮБВИ

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

«КРУГИ ПО ВОДЕ»:

КНИГА ПЕРВАЯ «К ДРУГОМУ БЕРЕГУ»

КНИГА ВТОРАЯ «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»

КНИГА ТРЕТЬЯ «ОМУТЫ И ОТМЕЛИ»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ «ТЕМНЫЕ ВОДЫ»

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Нет
рецепта
для любви*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П27

Художественное оформление серии *С. Власова*

Фото автора на обложке *С. Курбатова*

В оформлении обложки использована репродукция картины
художника *Висенте Ромеро Редондо*

Все имена и события в произведении вымышлены, любые
совпадения считать случайными

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Нет рецепта для любви / Евгения Перова. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Счастье мое, стой! Проза Евгении Перовой).

ISBN 978-5-04-095344-8

Молодой человек просыпается в чужой квартире, знакомится с хозяйкой и ее подругами, в одну из которых – Олесю – влюбляется. Он ничего не помнит о себе, но, к счастью, через сутки память о прошлой жизни возвращается. Артем вспоминает все, что с ним происходило в последние дни. Но может ли иметь значение прошлое, если в этом прошлом нет девушки, без которой он теперь не мыслит своей жизни? Олеся... Нежная, беззащитная, похожая на журавлика. Олеся... птица со сломанным крылом...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Перова Е., текст, 2018
© Курбатов С., фотография на обложке, 2018
© Redondo V. R., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095344-8

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Аппетит

Хозяек, желающих придерживаться выдачи провизии, назначенной в этой книге, прошу иметь в своей кладовой: во-первых, столовую серебряную ложку...

Елена Молоховец

ГЛАВА 1

НЕЗНАКОМЕЦ В ДОМЕ

Он очнулся. Голова просто раскалывалась от боли, поэтому некоторое время он лежал, с недоумением рассматривая обстановку вокруг: белый потолок с трещинами, желтая стена, на ней — разноцветные картинки непонятного содержания. Другая стена почему-то голубая. Шкаф, ломящийся от книг и безделушек, дверь с нарисованной наискосок радугой, окно без занавесок, в углу — огромный фикус в кадке. Он сделал было попытку сесть, но стены поплыли и закружились. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить, как здесь оказался. И где это — здесь? Ничего не вспоминалось, в окружавшей его сознание беспросветной тьме возникали только какие-то неясные — не в фокусе — образы. словно глубоководные рыбы, они медленно всплывали и опять тонули, сверкнув на мгновение бликом на чешуе. Вскоре около него образовалась какая-то жизнь — что-то шевелилось, шелестело, пытело, попискивало, покашливало и шепталось:

— Как тебе кажется, проснулся он или нет?

— Не знаю.

— Ну посмотри, посмотри на него — вполне приличный. И лицо такое интеллигентное.

— Да уж.

Он открыл глаза, с трудом повернув голову на звук, и чуть не упал с дивана: перед ним выстроилась удивительная группа — большой черный кот, маленькая лох-

матая собачка, низенькая пухленькая девушка и высокое тонкое создание в бесформенном сером свитере с белой крысой на плече. Толстушка смотрела на него с явным интересом, а создание — скорее брезгливо.

— О, проснулся! — сказала толстушка. — Привет. Как ты?

— Ни... ничего, спа... спасибо...

— Вот видишь, воспитанный.

— Ну да, — с сомнением в голосе произнесло существо в свитере.

— Вы кто? — спросил он, морщась от головной боли.

— Мы? Я Наполеон.

— Кто?!

— Бонапарт, — пояснила толстушка и повернулась в профиль, заложив руку за борт воображаемого сюртука.

— Бо... Бонапарт?

— Ну да. Вот это — Киви и Дуся, а это — Гамлет и товарищ Шариков.

Он с трудом сел, чувствуя, что ум заходит за разум. Ну с товарищем Шариковым все ясно: лохматая дворняжка радостно скалила зубы и молотила хвостом. Гамлет — черный кот с белой искоркой на груди — был явно и определенно беременным. Существо в бесформенном свитере носило совершенно неподходящее имя Дуся. И еще крыса, которую почему-то звали Киви. Просто зоопарк какой-то.

— Хочешь кофе? Пошли на кухню.

Все, не мешкая, удалились. Последней, подозрительно оглядываясь, ушла кошка по имени Гамлет.

Ничего по-прежнему не понимая, он с трудом поднялся — процесс занял массу времени и потребовал приложения нечеловеческих усилий — и поплелся на запах кофе. Кухня оказалась очень маленькой и светлой, а на окне висели разноцветные стекляшки на леске, сверкавшие на солнце и пускавшие вокруг радужные блики.

Нет рецепта для любви

От блеска у него еще больше заломило в висках. Кошка Гамлет сидела на подоконнике и умывалась, товарища Шарикова и Наполеона не было видно, а создание с крысой на плече мрачно разливало по чашкам кофе.

Шурясь от обилия света, он разглядел за окном голые деревья и несколько белых многоэтажек — типичный пейзаж московского спального района. По небу быстро плыли серо-лиловые облака. Ноябрь, что ли? Или март? Какой сейчас месяц-то? Куда он попал? И почему та странная девица называла себя Наполеоном, а беременную кошку — Гамлетом? Надо бы выяснить, как он здесь оказался.

— А почему кошку зовут Гамлет? — спросил он.

— Ну не сразу народ понял, что кошка. Думали, кот.

— А почему Наполеон?

— Ей так нравится. Считает, что похожа. Особенно в профиль. Не заметил? А вообще-то Ира. Пошла с собакой гулять. Еще вопросы есть?

Создание поставило перед ним чашку с кофе, который оказался горячим и в меру сладким. Именно это ему сейчас и было нужно.

— Спасибо, Дусенька.

— Какая я тебе Дусенька?

— А как же?

— Я Киви. А Дуся — вот она, крыса.

— Извини, я не понял. Но почему ты Киви?

— А что, нельзя? Ирка — Наполеон, я — Киви. А тебя-то как зовут?

— Меня?

И тут он вдруг похолодел, а стены снова угрожающе заколыхались вокруг: он не помнил, как его зовут! Он не помнил вообще ничего: ни имени, ни фамилии, не говоря уж об отчестве. Ни адреса, ни профессии, ни возраста. Никакого представления вообще, кто он такой! От ужаса потемнело в глазах, и он почувствовал, что теряет сознание...

— Эй! Эй, ты что?

Перед ним загадочно мерцали глаза — золотисто-коричневые с темными ободочками, они были окружены длинными ресницами и сияли, как звезды. Медовые глаза...

— Твои глаза — цвета гречишного меда...

— Ну вот, очнулся. — Киви выпрямилась: не в силах поднять его с пола, она просто помогла ему сесть и плеснула в лицо водой. — Что это ты? С тобой все в порядке?

— Нет. Со мной все не в порядке, — сказал он, вытирая рукой мокрое лицо. — Представляешь, я ничего не помню. Совсем ничего.

— Что такое гречишный мед, ты помнишь?

— Вот только это и помню. А все остальное — нет. Ни — кто я, ни что — я, ни — где я... И кстати, где это я?

— Ты у Наполеона. То есть у Иры. Ира Кольцова, моя подруга. Она тебя вчера вечером подобрала на улице.

— На улице?

— Ну не совсем на улице. Короче, ты сидел на лавочке у ее дома и засыпал. Холодно было. Она тебя пожалела и подобрала. Не помнишь?

— Не помню. Я что, пьяный был?

— Не знаю. Ирка говорит, вроде не пахло. Она решила, тебе плохо. Она такая: всех подбирает. Кошек, собак, крыс. Теперь вот мужика подобрала.

— Боже! А где это все находится?

— Что — все?

— Ну, эта улица, где она меня подобрала?

— Где эта улица, где этот дом! Улица Строительная, дом двенадцать. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет, ни о чем.

— Что же с тобой делать?

Киви мрачно смотрела на него своими медовыми глазами. В коридоре загрохотало: Наполеон и Шариков вернулись с прогулки.

Нет рецепта для любви

— Наполеон, что с ним делать? Он ничего вспомнить не может и в обмороки падает. Я тут с ним не останусь. Ни за что.

Наполеон, отбиваясь от Шарикова, ввалилась в кухню. Кошка раздраженно зашипела, а крыса, до этого шуровавшая в мусорном ведре, ловко залезла Киви на плечо.

— Может, ему давление померить?

— Думаешь, поможет? — скептически возразила Киви.

— А вообще, надо Катерине звонить.

— Вот ты и звони.

— Ладно, я позвоню, а ты померяй все-таки ему давление.

— Закатай рукав, — попросила Киви.

Он послушно закатал рукав белой рубашки, а Киви ловким движением приладила манжету и уставилась в монитор. Крыса тоже смотрела. У нее — у Киви, а не у крысы — были маленькие, совсем детские пальчики с коротко постриженными ноготками без маникюра. Он смотрел, как она хмурит брови, как двигаются пальчики, как дышит белое горлышко за высоким воротником свитера, такое тонкое и беззащитное, как бьется на нем синяя жилка, как шевелятся губы в такт биению его сердца... Вот придурок... Только что, можно сказать, восстал из небытия, а туда же — пальчики, губки! Идиот.

— Сто двадцать на восемьдесят. Как у космонавта. Стало быть, insult тебе не грозит.

— Ты что, врач?

— Я — нет. Врач скоро придет. Я надеюсь.

— Я дозвонилась, — вернулась взволнованная Ира-Наполеон. — Катерина сейчас прибежит. Ну, как он?

— Клиент скорее жив, чем мертв.

— Послушай, На... Наполеон, расскажи поподробнее, как ты меня нашла, а? Ира присела на табуретку, задумалась и торжественным тоном произнесла:

— Смеркалось...

— Наполеон! — одернула ее Киви.

— Киви, правда же, смеркалось! Я иду с Шариковым, а он — то есть ты — сидишь на скамеечке у нашего дома, смурной такой, в одной рубашке и галстуке. А холодно было. Я говорю: «Молодой человек, вы где живете-то? Давайте провожу, а то замерзнете!» А ты засыпаешь на ходу... Ну, я к себе и привела. А то бы замерз.

— Послушай, а больше у меня ничего не было с собой? Ни куртки, ни портфеля, ничего?

— Нет, все, что было, — при тебе.

Он оглядел себя: мятая рубашка, не менее мятые брюки, несвежие носки. Он проверил карманы, в них — ничего. Ни документов, ни ключей. Что же с ним произошло? При малейшем усилии что-нибудь вспомнить в голове гудело, как в пустой бочке.

— Слушай, а как это, когда совсем ничего не помнишь, а? — Ира разглядывала его с интересом.

— Наполеон! — Киви опять шикнула на подругу, отличавшуюся, как он уже понял, удивительной непосредственностью.

— Киви, интересно же!

— Интересно ей, — проворчала Киви, доставая сигарету.

Он прислушался к собственным ощущениям и поёжился:

— Голова пустая. Только сквозняк гуляет.

— Ужас! — ахнула Наполеон, а Киви, мрачневшая на глазах, спросила:

— И что будем делать? Может, его в полицию сдать?

В полицию ему как-то совсем не хотелось. Ему смертельно хотелось домой. Принять душ, побриться, переодеться, поесть, наконец. Но где этот дом? Черт, что же это такое?

— Не надо меня в полицию, пожалуйста! Можно, я тут у вас немножко посижу? Должен же я что-нибудь вспомнить?

Нет рецепта для любви

— Киви, ну ты представляешь — в полицию! Они же пристанут: кто, что, откуда, почему? — заволновалась Наполеон. — А у меня поезд через три часа. И потом, мне он кажется вполне приличным человеком.

— Приличным! Приличные люди в одних рубашках зимой не бегают и на скамейках не спят. А ты тоже. Вызвала бы ему «Скорую», и все дела.

Киви была в ярости. Целую неделю она жила предвкушением грядущей свободы: Наполеонка уедет, и она останется наконец одна — кошки-собаки не в счет. Такое счастье — никто не давит на психику, никто не пристает. Можно делать что угодно! Ничего такого особенного она делать не собиралась, но возможность порыться всласть в книгах, поваляться на диване, посмотреть спокойно видео, послушать любимую музыку и даже немножко потанцевать под нее — все это было так заманчиво. А тут — на тебе! Конечно, она подозревала, что с Наполеонкой все гладко не пройдет, но чтобы такое!

Жизнь у Киви была не слишком веселая. Обычно она до последнего сидела на работе, а потом каталась в метро, уткнувшись в книжку или электронную читалку. Иногда заходила в торговый центр около дома и бродила там, разглядывая витрины. Летом можно было просто погулять по улицам, но осенью и зимой, когда рано темнеет, да и вообще холодно, торговый центр был спасением. Обычно она звонила оттуда или от метро Ире-Наполеону, и та, выгуливая Шарикова, провожала ее до подъезда.

Дома Киви быстренько ужинала, стараясь не попадаться на глаза матери, если в холодильнике еще оставались купленные ею самой йогурты или сыр. Она давно питалась сама, в основном фастфудом — совсем отделилась от родителей после очередного скандала. Потом она скрывалась в своей комнате, включала ноутбук и, нацепив наушники, отрешалась от происходящего в квартире. А происходить там могло все, что угодно — от внезапной перестановки

мебели до бурного выяснения отношений с рукоприкладством: отец время от времени запивал, и мать учила его уму-разуму. Да и комнатку, где она уютилась, Киви с большой натяжкой могла назвать своей: мать заходила когда хотела и наводила собственный порядок. Такой же порядок она пыталась наводить и в жизни своей никчемной дочери, но Киви не давалась. Вот и вчера — в очередном припадке любви к «дочуне» мамаша попыталась осчастливить Киви новой трикотажной кофтой ярко-красного цвета. Все немногочисленные одежки Киви были серые либо чёрные, поэтому красная кофта с воланами никак не вписывалась в ее гардероб. Она вообще старалась одеваться неброско и выглядеть как можно более незаметно, чем ужасно раздражала мать:

— На кого ты похожа? От людей стыдно. Что это такое? Не девушка, а... поганка какая-то. Кто тебя замуж возьмет?

— А я и не собираюсь замуж! — выкрикнула Киви в ответ. Она привыкла к ругани, но «поганка» обидела ее ужасно. — На себя посмотрела бы.

Мать невольно обернулась к зеркалу и окинула взглядом свою мощную фигуру и наряд: темно-синюю юбку и лиловую кофточку с ярко-розовыми и белыми хризантемами, дополнительно украшенными блестками.

— Галюнечка, ну что ты кричишь на девочку! — встрял слегка поддатый отец, который обожал свою дочь. — Ей все к лицу. Я уверен, что мальчишам она нравится.

— А ты вообще молчи! Понимал бы что. Ладно, не хочешь такую красивую кофту — не надо. На работе продам. Стараешься для нее, стараешься. Никакой благодарности.

— А ты не старайся. Оставь меня в покое раз и навсегда. Я сама разберусь.

— Как же, разобралась одна такая. Нет, вы только посмотрите на нее! Мышь серая.

— Галюнечка, ну что ты... — опять влез отец.

Нет рецепта для любви

— Не встревай! Ты мусор вынес? Ладно, пошли ужинать. Мышь, ты идешь?

— Я попозже поем.

— Ага, йогурты свои будешь лопать? И так худая — одни кости, без слез не взглянешь. Ну, пойдем, не капризничай. У нас сегодня курочка, запеченная на картошечке, жирненькая такая. Капустки достану квашеной, помидорок. Пойдем, дочунь.

— Не надо мне твоей курицы! Опять станешь куском попрекать...

— Ну и сиди на йогуртах. Скоро вообще одна тень останется.

И мать выплыла из комнаты, а отец, виновато улыбувшись, быстро чмокнул дочку в макушку и побежал следом. Дочка всхлипнула — редкая отцовская нежность пробивала сквозные дыры в ее защитных доспехах. Киви была очень похожа на отца, только характером потверже, поэтому с бóльшим успехом противостояла сокрушительному материнскому напору. Утром Киви с огромным облегчением сбежала из дому к подруге, где ее ждал сюрприз в лице таинственного незнакомца...

Раздался звонок в дверь. Шариков залаял и ринулся в прихожую, крыса юркнула под плиту, а кошка Гамлет насторожила уши.

— Ура! — закричала Наполеон.

— А это еще кто?

— Это обещанный врач, Катерина Полякова! — ответила Киви, тоже слегка оживившись.

Катерина ворвалась как цунами. Она была рослая, пышная и жаркая: куртка нараспашку, белый халат растегнут, в вырезе розовой кофточки видна слобная грудь, слегка прикрытая фонендоскопом.

— Ну, что тут у вас?

— Кать, представляешь, он ничего не помнит! И в обморок упал почему-то. Я давление померила — ничего особенного, сто двадцать на восемьдесят.